

Серия  
«Антология мысли»



1921—2006

М. С. Каган

Теоретические проблемы  
философии.  
Избранные труды  
Часть 2

Книга доступна в электронной библиотечной системе  
[biblio-online.ru](http://biblio-online.ru)

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 091  
ББК 87.3  
К12

**Автор:**

**Каган Моисей Самойлович** — профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

**Каган, М. С.**

К12 Теоретические проблемы философии. Избранные труды. В 2 ч. Часть 2 / М. С. Каган. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 191 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-06213-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-534-06212-0

Каган — специалист в области философии и истории культуры, который на протяжении полувека издал множество публикаций и трудов по теории и истории искусства, а также по теории и истории культуры.

В данное издание вошли основные монографии автора, посвященные вопросам философской теории ценностей, человеческой культуре, взаимосвязи видов деятельности, а также вопросу о проблеме общения в истории культуры.

В первую часть вошли две работы — «Человеческая деятельность: опыт системного анализа» и «Мир общения: проблема межсубъектных отношений». Во вторую — «Философская теория ценности: университетский курс лекций».

*Для широкого круга читателей.*

УДК 091  
ББК 87.3



*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».*

ISBN 978-5-534-06213-7 (ч. 2)  
ISBN 978-5-534-06212-0

© Каган Ю. О., наследница, 2018  
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

## Оглавление

Лекция первая. Становление теории ценности в истории европейской философии .....	6
Лекция вторая. Судьбы теории ценности в истории отечественной философии.....	27
Лекция третья. Методологические принципы построения современной аксиологической теории .....	39
Лекция четвертая. Ценностное отношение в архитектонике деятельности и культуры.....	57
Лекция пятая. Морфологический анализ аксиосферы культуры.....	76
Лекция шестая. Морфологический анализ аксиосферы культуры (продолжение).....	102
Лекция седьмая. Иерархия ценностей как динамическая структура .....	118
Лекция восьмая. Внутренние параметры ценностного отношения ...	139
Лекция девятая. Внешняя детерминация ценностного отношения ...	151
Лекция десятая. Функционирование ценностей .....	164
Литература	
Новые издания по дисциплине «Философия» .....	187

# Лекция первая

## СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Лекционный курс, специально посвященный проблемам философской теории ценности, читается на нашем факультете впервые. Представители господствовавшей в СССР версии марксистской философии отвергали само понятие ценности как «буржуазное» и считали аксиологию идеалистическим учением (как, впрочем, и философскую антропологию, и культурологию — все, что выходило за пределы теории познания, к которой сводился диалектический материализм, и содержания исторического материализма, трактованного как «общая социология»). Только в 1960 г. в нашей философии произошел своего рода «аксиологический прорыв» — вышла в свет книга профессора Ленинградского университета В. П. Тутаринова «О ценностях жизни и культуры», в которой был признан сам факт существования ценности как некоего специфического явления, которое следует осмыслить с позиций марксизма. Спустя несколько лет в Киеве вышла монография В. Василенко «Ценность и оценка», а в Ленинграде — составленный А. Харчевым сборник статей «Проблема ценности в философии»; в 1965 г. в Тбилиси был проведен Первый, а в 1985 г. — Второй всесоюзные симпозиумы по теории ценности.

Несмотря на то, что эти симпозиумы привлекли внимание философов к аксиологической проблематике и появилось несколько монографий и сборников статей, затрагивавших разные аспекты теории ценности, существенного влияния на развитие философской мысли в СССР это не оказало. Воспитывавшийся у нескольких поколений советских философов примитивный рационализм и однобокий гносеологизм преодолевались с большим трудом — во всяком случае, ни в одном университете нашей страны до сих пор нет кафедры аксиологии, в новых учебниках по философии, написанных в последние годы, проблема ценности по-прежнему отсутствует, отданная «на откуп» этике и эстетике; только в 1994 г. увидело свет первое в нашей философской литературе исследование истории зарождения и развития теории ценности — книга Л. Столовича «Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии», — но и ее содержание было развернуто по требованию издательства в сторону эстетики, хотя, по сути дела, автор излагал развитие аксиологической мысли в целом. И лишь в 1996 г. в Петербурге

вышла книга Г. Выжлецова «Аксиология культуры», в которой сделана попытка построения общей теории ценности в контексте культуры.

В настоящем курсе излагается иной взгляд на саму ценность и, соответственно, на содержание и проблемное строение аксиологии. Взгляд этот явился итогом сорокалетних размышлений и историко-теоретических исследований: в конце 50-х годов я включился в начавшуюся у нас в рамках эстетической теории дискуссии так называемых «общественников» и «природников», в которой столкнулись социально-ценностная и натуралистическая трактовки сущности эстетического; я предложил для обсуждения третий вариант решения проблемы — *ценностнокультурный*, трактовавший прекрасное и все другие эстетические ценности как специфические проявления *субъектно-объектных отношений*. Осознание необходимости выхода на общепhilosophический уровень разработки теории ценности, сказавшееся в ряде моих статей середины 60-х—начала 70-х годов, а затем в монографиях «Человеческая деятельность», «Мир общения» и в обобщающем исследовании «Философия культуры», привело к выявлению места ценностного сознания в целостном пространстве культуры. Полученные на этом пути результаты позволили мне начать в 1996 г. читать спецкурс «Основоположения теории ценности». Широкое обсуждение его программы, состоявшееся на философском факультете (основные выступления публикуются в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета»), показало, сколь различны еще, даже в пределах одного факультета, представления о ценностях и способы их философского осмысления. Вместе с тем эта дискуссия способствовала и совершенствованию читаемого мной курса, и его изложению в настоящей книге.

Поскольку курс этот теоретический, я не имею возможности специально рассматривать историю аксиологии, тем более что в упомянутой книге Л. Столовича это уже сделано; я считаю, однако, необходимым выявить *общие закономерности развития* аксиологической мысли, дабы извлечь из этого необходимые методологические уроки и прояснить место теории ценности в современной философии, ее теоретическое и практическое значение на нынешнем этапе развития отечественной и мировой культуры.

## 1. Предистория аксиологии

Аксиология (от *axiō* — ценность, *logos* — слово, учение) — один из самых молодых разделов философии. Как самостоятельная философская наука аксиология появилась лишь в конце XIX века. Разумеется, суждения о различных видах ценности — о благе, добре, красоте, святости и т.п. — мы встречаем и у классиков античной философии, и у теологов Средневековья, и у ренессансных мыслителей, и у философов Нового времени, однако обобщающего представления о ценности как таковой и, соответственно, о закономерности ее проявления в различных конкретных формах в философии не было до середины XIX столетия. Поэтому не вполне корректно название фундаментального

исследования Ф.-Й. фон Ринтелена «Понятие ценности в духовном развитии Европы», рассматривающего становление представлений о разных видах ценности в древности и Средневековье, равно как и подзаголовков упомянутой книги Л. Столовича «Очерк истории эстетической аксиологии», ибо применительно к истории эстетической, этической, теологической, философской мысли до XIX столетия неправомерно говорить ни об «аксиологии» как философской теории ценности, ни о ценности как таковой. Очень точно объяснил это историк философского изучения ценностей А. Штерн: «Несомненно, Платон, Аристотель и другие великие философы, разрабатывая проблемы этики, эстетики, экономической теории и другие, имели дело с ценностями, но они не осознавали, что добро, красота, польза и т.п. имеют нечто общее, что должно стать предметом самостоятельной дисциплины»<sup>1</sup>. Не может не возникнуть вопрос — чем же объясняется такое позднее рождение теории ценности? Вопрос этот тем более существен, что смежная с аксиологией отрасль философии — гносеология — давно уже обрела теоретическую самостоятельность, в XVII веке ее проблематика находилась в центре философских дискуссий, а в учении Г.Гегеля само развитие человечества было определено как познавательный процесс — процесс «самопознания Абсолютного Духа». Действительно, хотя представления о добре, благе, красоте, величии и ряде других подобных явлений культуры уже были предметом размышления античных философов, анализировались явления эти разрозненно, ибо не осознавались как конкретные проявления единого начала. Существовавшее у греков понятие «калокогатии» (*calos* — прекрасный, *cagothos* — нравственный) было пережитком исходного синкретизма ценностного сознания, и уже в рассуждениях Сократа и Платона этот этико-эстетический синкретизм уверенно преодолевался. Понимание единства различных проявлений ценностного сознания человека — А. Уайтхед говорил о «Мире ценностей», я буду называть это единство так же, как Л. Столович, аксиосферой культуры (по аналогии с вошедшим в теоретический обиход понятием «ноосфера», означающим: сфера культуры, порождаемая деятельностью Разума) — приходит гораздо позже, чем философское представление о разуме и его роли в жизни и развитии человечества. Именно разум как способность познания стоит в центре внимания греческой мысли, причем логос — это и разум, и слово, поскольку слово является непосредственным носителем мысли. Греческая философия, при всем различии материалистических и идеалистических учений, при всей противоположности релятивизма софистов и абсолютного идеализма Платона, не говоря уже о строго теоретическом дискурсе Аристотеля, — сугубо рационалистическая философия, и даже миф, описывавший мир богов, рассматривался Лукрецием как способ познания природы. Поэтому такие «эпифеномены» культуры, как нравственное, эстетическое, политическое и даже религиозное сознание, были

---

<sup>1</sup> Все цитируемые здесь издания указаны в приложенной к книге библиографии.



для античных мыслителей явлениями маргинальными, побочными — в человеке они видели носителя Логоса, что и сделало его в их глазах «мерой всех вещей», по классической формуле Протагора. Греческая религия, в отличие и от древневосточных культов и от вытеснивших ее в Средние века мировых религий, была лишена мистицизма и экстатического восприятия божеств, являясь, по сути дела, демистифицированным, хотя еще не демифологизированным, художественно-образным познанием — осмыслением мира.

Средневековая ментальность, утвердившая приоритет Веры по отношению к Разуму, — вспомним знаменитое *credo quia absurdum est* Тертуллиана — иррационалистичная по своей доминанте, должна была, казалось, привести теологическую мысль христианства к разработке теории ценности — ведь религиозное сознание по самой своей природе является *формой ценностного сознания* и должно было себя таковой осознавать. Но я полностью разделяю утверждение С. Аверинцева, что применительно к Средневековью нельзя говорить о собственно аксиологических представлениях, ибо у средневековых философов и теологов, как и у античных мыслителей, встречаются лишь разрозненные высказывания о разных видах ценности, но *отсутствует целостное представление о природе ценности как таковой, единой в множестве ее конкретных модификаций*, — отсутствует по той простой причине, что теологам известна лишь одна подлинная ценность — Бог. Все другие ценности — нравственные, эстетические, политические, даже сама истина, — являются для религиозного сознания только эманациями Божества, манифестациями потустороннего мира, божественно-духовной энергии. Я назвал бы это *теологической редукцией* представления о ценности: аксиология растворилась здесь в теологии.

Примечательно, что именно в эту эпоху в философский обиход входит понятийная триада «Истина, Добро, Красота»; триада эта будет сохраняться и поразному обосновываться во всех последующих религиозно-идеалистических учениях — например, в лейбницианском делении духовных сил человека на *разум, чувство и волю*, которые и имеют предметами своими *Истину, Красоту и Добро*, и в философском учении В. Соловьева и его последователей. Мы увидим в дальнейшем, что триада эта сохраняется и во многих аксиологических учениях XX века, а название книги Л. Столовича, на которую я уже ссылался, — свидетельство того, что она живет в философском сознании и по сей день; не будучи религиозным мыслителем, автор этой книги все же считает возможным от своего имени подтвердить правильность такого взгляда: «Эти три понятия связаны органично, так что истина прекрасна и добродетельна, добро истинно и прекрасно, а красота истинна и добродетельна».

Между тем уже М. Вебер показал, опираясь на реальность бытия ценностей в современной культуре, что после Ф. Ницше и Ш. Бодлера стало очевидным: «прекрасное может не быть добрым», а «истинное может не быть прекрасным», «священное может не быть прекрасным,

более того, оно священно именно *потому и постольку*, поскольку не прекрасно».

Во всяком случае, в религиозной философии, в теологии и вообще в религиозном сознании нет потребности создания теории ценности, ибо ценность дана здесь только в религиозной форме как представление о *священном, сверхчувственном, божественном*, а различия между всеми конкретными модификациями ценности и ценностного сознания объявляются несущественными, поверхностными, чисто формальными.

Возрождение, суть которого — противопоставление теоцентризму Средневековья натуроцентристских и гуманистических представлений нового социального слоя феодального общества — горожан, вернулось к тем идеям, которые начали складываться в нерелигиозной философии античного полиса. Возрождение возрождало, прежде всего, представление о *земной, а не мистической*, природе нравственного, эстетического, правового, политического сознания, а тем самым стремилось понять своеобразие каждой из этих форм отношения человека к миру; но их связь как разных проявлений единого ценностного отношения еще не осознавалась, и понятие «ценность» не приобрело поэтому значения *философской категории*; все же подходы к решению такой задачи уже были намечены — у итальянских гуманистов мы встречаемся с рассуждениями о нравственных ценностях (Л. Балла), о красоте как специфической ценности (Л. Б. Альберти), независимой от ценностей религиозных, а политические ценности были признаны Н. Макиавелли независимыми не только от религии, но и от морали.

Единая теория ценности не сложилась и в XVII—XVIII веках, ибо представления о красоте, добре, справедливости, социальном прогрессе оставались периферийными для того типа сознания, доминантой которого стало вместо религиозной веры познание природы и которое должно было поэтому опираться на силу Разума, на вытеснявшее мистику научное мышление, а прежде всего — на лежащее в основе естествознания, *безоценочное в принципе, математическое знание — *mathesis universalis**.

Просвещение — как ясно из самого этого термина — связало «свет» не с божественным сиянием, а с познавательной мощью Разума: господствующей метафорой стала формула «свет разума»; само существование человека было признано *производным от его мышления*, по знаменитой формуле Р. Декарта: *cogito, ergo sum*, и сущность человека эта эпоха определила линнеевским понятием *Homo sapiens*, сменившим теологическое *Homo Dei*... Вся европейская культура XVII—XVIII веков живет пафосом *познания* мира, и не только природы, но и общества, и человека, и культуры — вспомним хотя бы грандиозное творение просветителей — французскую «Энциклопедию».

Только в середине XVIII века стала осознаваться односторонность рационалистически-сциентистской ориентации культуры и начались поиски альтернативного взгляда на человека, его духовный мир, его

связи с другими людьми и с природой — так вошли в европейскую культуру французский сентиментализм и предромантическое немецкое движение «Буря и натиск», так английские мыслители обратились к проблемам этики и эстетики, разрабатывая теорию вкуса: французский критик Ш. Батте решительно противопоставил «свету разума» «тепло вкуса», а немецкий философ А. Баумгартен обосновал необходимость построения эстетики как самостоятельной философской дисциплины, хотя и казавшейся ему «низшей», «прикладной» гносеологией; подытожило достижения философской мысли эпохи Просвещения учение И.Канта, одновременно заложившее теоретические основы нового исторического типа европейской культуры — Романтизма: И. Кант выявил принципиальные отличия деятельности нравственного «практического разума» и эстетической «способности суждения» от познающего мир «чистого разума», тем самым существенно ограничив его права и сферу его действия в культуре.

Идя далее по этому пути, Романтизм взрыхлил почву для рождения теории ценности, решительно противопоставив рационализму Просвещения, который абсолютизировал возможности познавательной деятельности мышления, *эмоциональную активность духовной жизни человека*, и место безликого кантонского «трансцендентального субъекта» заняло переживающее мир и творящее его силой фантазии личностно-неповторимое фихтевское «Я»; тем самым Романтизм завершил переход от традиционной культуры с ее стабильными принципами, освященными авторитетом мифа и воспринимавшимися поэтому *не как ценности, а как объективные законы бытия*, к культуре личностно-креативной, динамичной и инновационной, ценностное обеспечение которой воспринималось уже не как раз и навсегда данное, божественное по своему происхождению, а как *человеческое, формирующееся в культуре и потому изменчивое — и в историческом времени, и в географическом пространстве*.

Так Романтизм впервые постиг Историю как закономерную смену одного типа культуры с его специфическими ценностями другим и одновременно признал в Востоке не экзотическую аномалию, каким он казался просветителям, а своеобразный тип культуры, отличный от Западного по воплощенным в нем ценностям, но равноправный европейскому, если не более возвышенный, благородный, прекрасный (вспомним хотя бы трактовку Кавказа в поэмах молодого А. Пушкина и повестях М. Лермонтова).

Эмотивизм Романтизма, историзм и релятивизм его миропонимания заставили философию выйти за пределы традиционного для нее конструирования онтологической и гносеологической концепций, смещая угол зрения на *внепознавательное отношение субъекта к объекту*, что и должно было в конечном счете привести к осознанию этого отношения как *ценностного*. Как прекрасно сформулировал это А. Уайтхед: «Романтическая реакция была протестом от лица ценностей». Теоретически опиравшаяся на идеи И. Канта и И. Фихте, психологически подго-

товленная Романтизмом, идеологически обусловленная социальными метаморфозами, изменявшими лик Европы в XVIII—XIX веках, *аксиология теоретически осмыслила наступление новой эпохи.*

## 2. Становление философской теории ценности в конце XIX — начале XX веков

Выявление своеобразия феномена *ценности*, принципиально отличающегося от *фактуальности объективного бытия*, с его предметными формами (*Gestalten*), было осуществлено в 60-е годы XIX века немецким философом Г. Лотце в его трактате «Основания практической философии»; так преодолевалось одностороннее онтологическое представление просветителей об однородности предстоящей перед человеком реальности; к ценностям были отнесены *благое, прекрасное, справедливое* и другие проявления бытия, обращенные «к нашим чувствам, но совершенно не зависимые от нашего произвола», и «приговором нашего чувства устанавливается определенная градация этих ценностей». В трех томах его главного сочинения «Микрокосм» данное понятие приобрело операциональный характер — здесь говорилось о «внутренней ценности» духовной жизни, о «ценности чувственных впечатлений», о «ценности развития человека» и «ценности истории» и т.д. Совершенно очевидно, что, придавая такое значение эмоциональной связи человека с миром и сокращая сферу познавательной деятельности мышления, Г. Лотце опирался на принципы романтического сознания, на первые шаги герменевтики и «философии жизни». Вместе с тем нельзя не согласиться с М. Хайдеггером, который в курсе лекций, посвященном становлению теории ценности в немецкой философии, не без ехидства заметил, что «Лотце не удалось зрелое рассмотрение проблемы ценности», потому что он «робел перед системой и в то же время к ней стремился». Решающее же значение в утверждении места ценностного сознания в культуре — снова сошлюсь на М. Хайдеггера — имела философия Ф. Ницше: «Идея ценности в метафизике пришла к господству... решительно только через Ницше», поскольку создатель образа Заратустры само бытие трактовал в конечном счете *не как объективную реальность, а как ценность*, тем самым растворяя онтологию в аксиологии. Роль Ф. Ницше в становлении аксиологии отмечал и В. Виндельбанд, и упоминавшийся ее историк А. Штерн, говоря, что творец Заратустры «взрыхлил почву» для разработки теоретических основ философии ценности.

И действительно, вспомним хотя бы патетическое обращение Заратустры: «Когда я пришел к людям, я нашел их сидящими на старом самомнении, всем им мнилось, будто давным-давно знают они, что для человека есть добро и что есть зло». Между тем, «что есть добро и зло, *того еще никто не знает*». Почему же надо «разбивать старые скрижали», на которых записано христианское понимание добра и зла? Потому, что оно фальшиво, не раскрывает истину, а скрывает ее: «Ты не должен красть! Ты не должен убивать!» — такие слова назывались

некогда священными... Но я спрашиваю вас: где в кои веки на свете можно было сыскать лучших грабителей и смертоубийц, чем тогда, когда существовали такие священные слова? Разве в самой жизни не все сплошь — грабеж и смертоубийство? И что такие слова считались священными — разве не была этим насмерть убита сама *истина?*»

В трактате «К генеалогии морали», написанном в 1887 г., Ф. Ницше рассматривает «хорошее и плохое», «доброе и злое» как «противопоставленные ценности», которые «бились на земле тысячелетним смертным боем»; сейчас необходима такая фундаментальная «критика моральных ценностей», при которой «сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос».

«Будущая задача философа» и состоит в том: чтобы на основе данных «всех наук» «решить проблему ценности» и «определить *табель о ценностных рангах*».

Реальный ход развития европейской философии в конце XIX — начале XX столетий реализовал решение этой задачи.

В начале XX века Г. Мюнстерберг дал своей книге «Философия ценностей» выразительный подзаголовок: «Основные принципы мировоззрения» и впервые в истории аксиологической мысли построил таблицу, призванную продемонстрировать закономерность строения всеохватывающего мировоззрение человека ценностного осмысления им мира (табл. 1):

Таблица 1

	Логические ценности	Эстетические ценности	Этические ценности	Метафизические ценности
<b>Жизненные ценности</b>	Ценности наличного бытия ( <i>предметы непосредственного восприятия</i> )	Ценности единства ( <i>предметы радостного переживания</i> )	Ценности развития ( <i>предметы возвышающие</i> )	Божественные ценности ( <i>предметы веры</i> )
Внешнего мира	Вещи	Гармония	Рост	Творение
Ближайшего окружения	Существа	Любовь	Прогресс	Откровение
Внутреннего мира	Оценивание	Счастье	Саморазвитие	Спасение
<b>Культурные ценности</b>	Ценности взаимосвязи ( <i>предметы познания</i> )	Ценности красоты ( <i>предметы увлечения</i> )	Ценности созидания ( <i>предметы признания</i> )	Основные ценности ( <i>предметы убеждения</i> )
Внешнего мира	Природа	Изобразительное искусство	Хозяйство	Вселенная
Ближайшего окружения	История	Поэзия	Право	Человечество

	Логические ценности	Эстетические ценности	Этические ценности	Метафизические ценности
Внутреннего мира	Разум	Музыка	Нравы	Сверх-Я

Я не буду сейчас входить в обсуждение этой таблицы и ограничусь тем, что признаю безусловно продуктивным подобный подход, ибо графическое представление системы ценностей лишь иллюстрирует *наличие самой этой системы*; правда, системный подход применен здесь, к сожалению, нестрого, в силу чего в аксиосферу культуры попали некоторые явления совсем иного рода, иной модальности; тем не менее Э. Гуссерль высоко оценил концепцию Г. Мюнстерберга, хотя сам реализовывал иной подход к анализу мира ценностей.

В начале XX века внимание философов к аксиологической проблематике становилось все более и более широким, оттесняя еще недавно господствовавшую эпистемологическую тематику. Английский философ В. Урбан заключал в 1909 г., что «в современной философии центр тяжести переместился с проблемы познания на проблему ценностей, и сама проблема познания стала растворяться, иногда частично, а иногда полностью, в проблеме ценностей»; «редко можно найти в истории философской мысли время, когда проблема “ценности” находилась бы в такой мере в центре внимания, как ныне», ибо произошло «фундаментальное изменение актуальных ценностей человечества» — «смена интеллектуализма волюнтаризмом». Позднее, в работе 1929 года (спустя полвека она была переиздана), В. Урбан подтвердил: «Отношение ценности к реальности является ключевой проблемой нашего времени» и «основным вопросом теоретической философии... Мало кто будет оспаривать это утверждение...» Это направление философской мысли захватило и США — в 1913 г. исполнительный комитет Американской философской ассоциации поставил проблему ценности на специальное обсуждение на одном из собраний Ассоциации.

Показательна характеристика этого времени, которую дал Г. Пикон в предисловии к одному из разделов составленной им хрестоматии «Панорама современных идей», вышедшей в Париже в 1968 г. (ее сокращенный перевод на русский язык был опубликован в Нью-Йорке в 1982 г.): «Те изменения условий жизни и мысли, которые с конца XIX века происходили со все большим ускорением и сегодня представляются нам подлинной мутацией, неизбежно должны были поставить под вопрос основные принципы, которые определяют наше существование и во имя которых мы судим человеческие поступки. Под сомнение было поставлено также и то, что мы называем гуманизмом, этикой, цивилизацией, культурой, то есть те ценности, которыми мы руководствуемся и на основе которых оцениваем наше поведение».

Философия не могла не реагировать на эту духовную ситуацию. Основоположник философской антропологии М. Шелер фактически

свел к ценностям *всю духовную жизнь человека*, признав высшей их формой *религиозные* ценности. Другой выдающийся представитель европейской философии этого времени глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд утверждал в 1909 г. в работе, посвященной исследованию роли философии в духовной жизни Германии в XIX веке, что ныне философия становится вообще «учением об общезначимых ценностях», ибо призыв Ф. Ницше к «переоценке всех ценностей» «стал лозунгом наших дней» и «то, чего мы в настоящее время ожидаем от философии, — это размышление о вечных ценностях, которые, возвышаясь над меняющимися, временными интересами людей, обоснованы высшей духовной действительностью». Философ объяснял это тем, что «интеллектуальные идеалы начала прошлого столетия поблекли, на их место заступила дееспособность воли... Распад старых форм жизни и появление новых ценностных мотивов приводят в результате к побужденному состоянию поиска и нащупывания, к интенсивному брожению, которое требует своего выражения»; к тому же оправдалось предсказание Гегеля: «Массы двинулись вперед», и если «историческое движение раньше разыгрывалось главным образом над ними в тонком верхнем слое общества», то теперь «массы заявляют свои права не только в политике, но и во всех областях духовной жизни в такой же мере, как в экономике... Наша жизнь получила, таким образом, совершенно иной характер... Это создает в ценностном понимании жизни совершенно новые моменты и глубоко идущие изменения...», и в результате «возникает большая опасность... утраты того высшего, что собственно только составляет и составляло во все времена культуру и историю: жизнь личности». Эта-то глубинная потребность времени и породила философию ценности, призванную ответить на его жизненный запрос, — ведь в самом деле, и в повседневной нашей жизни мы не замечаем воздуха, которым дышим, пока он имеет постоянный химический состав, и сразу же замечаем, чем дышим, как только состав воздуха резко меняется в лучшую или худшую сторону...

Неудивительно, что такая «экспансия» аксиологических представлений привела к пониманию культуры как «мира воплощенных ценностей», и ее изучение стало сводиться к описанию *истории ценностей*; так родилась новая наука — история культуры, и из этих же предпосылок выросла квазиисторическая теория «локальных цивилизаций» О. Шпенглера и его последователей. Одновременно выявление своеобразия ценностного отношения вылилось в различение двух групп наук — по современной терминологии, *естественных* и *гуманитарных* — и по предмету познания, и по методу. Хотя обоснование этих различий имело свои особенности у Э. Гуссерля, у В. Дильтея, у В. Виндельбанда, у Г. Риккерта, его теоретический инвариант выражал кризис классической гносеологии, которая закономерно пришла в XIX веке к позитивистскому перенесению методологии естественных наук в сферу социально-гуманитарного знания, и аксиология встретила на этом пути с выросшей из того же романтического источника герме-

невтикой — встреча эта произошла в теории понимания-интерпретации-оценки, разработанной В. Дильтеем.

В 1919 г. М. Хайдеггер говорил в университетском курсе лекций: «Фундаментальное убеждение в примате ценности становится столь всеобщим, что выдерживает всевозможные влияния и проблемные направления», — и назвал философию ценности «культурфилософией современности». И действительно, уже в 20—30-е годы выдающийся французский философ Г. Марсель, идя по этому пути вслед за Ф. Ницше, «устранил, — как точно сформулировала это Л. Чухина, — различие между бытием и ценностью», и аксиология пожрала не только культурологию, но и саму онтологию.

В начале 30-х гг. О. Краус в предисловии к своей книге «Теории ценности: История и критика» писал: «Число работ по теории ценности в наше время необыкновенно выросло. Бугле утверждал в своей книге «Лекции по социологической истории ценностей», вышедшей в Париже в 1922 г.: «Философия ценностей стала модной». Это свидетельствует о радующем интересе к этой важнейшей проблеме».

В этом свете естественно стремление смежных с философией наук освоить аксиологический подход, применяя его к своим нуждам. Так, классик социологической мысли М. Вебер сделал понятие «ценности» одним из ключевых в этой области знания, определяя с его помощью *направленность интересов*, которая свойственна каждому социально-историческому «мировому порядку»; в последующем развитии этой науки понятие «ценностная ориентация» стало ее операциональным термином.

Э. Трельч в ставшей широко известной работе «Историзм и его проблемы» (1922 г.) выделил в качестве одной из таких проблем связь исторического исследования с «учением о ценностях». Осмысляя все сделанное в области аксиологии в Германии, начиная с работ Г. Лотце и кончая наиболее близкими ему неокантианцами баденской школы, Э. Трельч подтвердил не раз высказывавшееся мнение, что в сфере философского и исторического исследования на протяжении последних десятилетий «совершился переход» на новые методологические позиции — позиции «теории ценностей или аксиологии». Между тем Э. Трельч подверг критике те конкретные опыты построения этой теории, которые были предприняты и неокантианцами, и позитивистами, за то, что они не придают должного значения индивидуальности субъекта ценностного отношения, пытаются выявить общие принципы, природные, культурные или религиозные, объединяющих людей ценностей, что «неизбежно ведет к метафизике». Поэтому «современная теория ценностей прежде всего нуждается в реформе», и ее «центральным пунктом» должна стать человеческая «индивидуальность». В этом случае прекратятся пустые споры о том, «находится ли ценность в предмете, или в субъекте, или в отношении их друг к другу, является ли ценность ощущением, восприятием или состоянием и субъективной реакцией, основана ли она на суждении о существовании или несущ-



ществовании, мгновенна она или константа, относительна или объективна, происходит ли она из чувствования веления, представления или даже из особого психического элемента, случайна ли она, лична или сверхлична и т.д.». Исходным же пунктом аксиологии должно стать «так называемое Я» в виде лейбницевой монады особого уровня сложности. «Тогда ценности могут быть поняты в их само собою разумеющейся субъективности и в их относительном характере, который проистекает из практического характера и практических целей всего сущего, т.е. из направляющей все жизни». При этом философствующий историк разъясняет, что «ценностная относительность не есть релятивизм, анархия, случайность, произвол; она означает постоянно движущееся и все время творящее взаимопроникновение фактического и должностующего, которое поэтому никогда не может быть определено вне времени и универсально... Ценностная относительность имеет смысл лишь в том случае, если в этом относительном становится живым и творящим абсолютное». Остается лишь пожалеть, что через год после издания этой книги Э. Трельч умер и не смог разработать с таких, истинно диалектических, позиций общую аксиологическую теорию как методологическую основу исторического знания.

### 3. Развитие аксиологической мысли в последние десятилетия XX века

После нескольких десятилетий перерыва гуманитарная мысль вновь обратилась к анализу аксиосферы культуры. При этом охранялось противостояние ее идеалистического толкования и позитивистского сведения ценностного осмысления человеком мира и ценностной ориентации человеческого поведения к биологической избирательности всех живых существ. Объясняется это тем, что во второй половине нашего драматического века *вновь возникла ситуация тотальной «переоценки ценностей»*, отражая обострившееся до предела осознание кризиса сложившегося на Западе типа общественного бытия и культуры при ставшей очевидной несостоятельности его замены советским пролетарско-социалистическим или немецким национал-социалистическим строем. Возникшее на наших глазах представление о новом великом историческом переломе — о смене индустриального общества постиндустриальным, капитализма посткапитализмом, модернизма постмодернизмом, породившее даже идею «конца истории» (Ф. Фукуяма), — при одновременной предельной активизации контактов Запада и Востока в условиях преодоления колониализма и признания принципиального равноправия культур всех регионов и всех народов мира, не могло вновь не вывести проблему ценности *на авансцену теоретического сознания*, решительно оттеснив недавно еще доминировавший эпистемологический структурализм. Вот несколько достаточно красноречивых фактов возрождения интереса к аксиологической проблематике.

В 1971 г. в Нью-Йорке и Лондоне вышел сборник статей «Ценности и будущее: Влияние технологических изменений на американские цен-

ности», в котором участвовали такие выдающиеся ученые, как А. Тоффлер, Н. Решер, К. Боулдинг, Дж. Гэлбрейт и ряд других. В том же году в Амстердаме, в Нидерландской Королевской Академии наук и искусств состоялась международная конференция на тему «Гуманитарные науки и проблема ценностей», а в следующем году был издан сборник статей, представленных в виде докладов для обсуждения; интересна тематика этих докладов и состав авторов: К. Кюиперс (Утрехт). Гуманитарные науки и проблема ценностей. Х. Г. Гадамер (Гейдельберг). Онтологическая проблема ценностей. М. Моритц (Лунд). Аксиология и анализ. Ш. Перельман (Брюссель). Оправдание норм. М. Блек (Итака, Нью-Йорк). «Фактуальное» и «нормативное». П. Лоренцен (Эрланген). Об оправдании норм. Р. Мак Кеон (Чикаго). Факты, ценности и действия. Н. Ротенштрейх (Иерусалим). Исследование «свободы от ценностей».

Как отметил во вступительной статье составитель сборника, две основные темы подлежали в нем обсуждению: «а) Цели и плоды деятельности гуманитарных наук и проблема ценностей; б) Различие теоретических и исторических дисциплин и проблема ценностей». Необходимость такой постановки вопроса связана с тем, что успехи естествознания, заставляющие считать его методологию общим критерием научности, рождают потребность самоопределения гуманитарных наук, «исходя из дильтеевой концепции гуманитарности и представлений Риккорта и Макса Вебера о науках о культуре».

Еще один, столь же показательный, пример — освоение аксиологического подхода психологической наукой: в вышедшей в 1968 г. в США книге крупнейшего представителя этой области знания А. Маслоу «К психологии бытия» целый раздел назван автором «Ценности», в котором ценность трактовалась как избирательный принцип, свойственный всякому живому существу, от цыпленка до человека; такую концепцию психолог называет «натуралистической наукой о человеческих ценностях», считая возможным и продуктивным «изучить высшие ценности или цели человеческих существ точно так же, как мы изучаем ценности муравьев, лошадей или деревьев, или, если хотите, марсиан». Но у современного человека, в котором ученый видит, по афоризму некоего биолога, «недостающее звено в цепи между человекообразной обезьяной и цивилизованным человеком», существует три уровня ценностей — общечеловеческий, на котором формируются ценности, «общие для всех здоровых людей», поскольку порождаются они фундаментальными потребностями нашего организма, уровень «ценностей определенных групп людей, и уровень ценностей «специфических индивидов». *Ценность* оказывалась, таким образом, избирательной установкой, производной от *потребностей*, а иногда попросту отождествлялась с ними (скажем, в утверждении, что «потребности (или ценности) связаны друг с другом иерархически и эволюционно»: так, «потребность в безопасности — более мощная или сильная, более жизненно важная, более настоятельная, чем, ска-

жем, потребность в любви, а потребность в пище сильнее их обеих. Более того, все эти основные потребности могут рассматриваться как всего лишь ступени лестницы, ведущей к самоактуализации... Стало быть, эти основные потребности или основные ценности могут рассматриваться и как цели, и как ступени лестницы, ведущей к единой конечной цели». При этом оказывается, что такая «лестница» во многом совпадает с идеалами, к которым зовут религии, например к умению подняться над своим «я», к соединению истины, добра и красоты, к альтруизму, к мудрости, честности и естественности, к умению подняться над эгоистической мотивацией, к отказу от «низких» желаний в пользу желаний «возвышенных», к доброжелательности и доброте.... Поскольку же такая иерархия ценностей свойственна всем «здоровым людям», постольку она может и должна лечь в основу «здоровой цивилизации», что опровергает «ту практически всеобщую ошибку, что интересы индивида и общества неизбежно являются взаимоисключающими и антагонистическими, или что цивилизация — это прежде всего механизм управления человеческими инстинктивными импульсами».

Впрочем, ощущая неудовлетворительность такой, типично позитивистской, концепции, А. Маслоу заключает, что «само понятие “ценность” скоро устареет — оно включает в себя слишком много значений», «в результате возникает путаница, и я все чаще борюсь с искушением вообще отказаться от этого слова»...

В 1972 г. в Гааге издан сборник статей «Гуманитарные науки и проблема ценностей», а четыре года спустя в США исследование К. Ситарамы и Р. Когделла «Основы межкультурной коммуникации», построенное на сопоставлении систем ценностей на Западе, Востоке, в Африке, у мусульманских народов и американских негров (перевод этой книги был опубликован у нас в 1992 г. в журнале «Человек»). В 1977 г. в Нью-Йорке состоялась одиннадцатая (!) конференция, посвященная динамике изменения ценностей; в сборнике материалов очередной конференции, состоявшейся там же в 1989 г., говорилось о проведенной в последние годы «серии дискуссий и семинаров» по проблемам теории ценности, в которых участвовали философы из многих стран мира. В конце 80-х годов в США один за другим выходят фундаментальные сборники статей, посвященные таким аспектам теории ценности, как «Общественные и моральные ценности: индивидуальные и социетальные перспективы»; «Социальный контекст и ценности: перспективы Америки»; «Исследование культур и ценностей: встреча университетов, церквей и наций». В 1975—1981 гг. университет города Турку в Финляндии посвятил пять выпусков своих ученых записок «Исследованиям по теории ценности». В 1986 г. в Индии работал международный симпозиум, специально рассматривавший различия ценностного сознания Запада и Востока. В 1979 г. один из номеров издававшегося ЮНЕСКО журнала «Культура» был посвящен роли ценностей в культурном развитии современного мира.